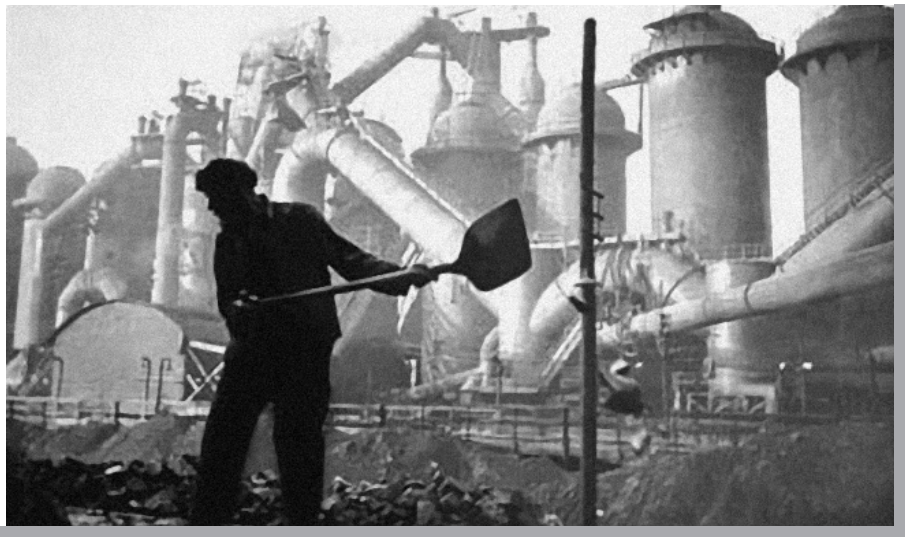

КАК ВСЕ ЭТО БЫЛО… Услышать, пережить, запомнить, передать по цепочке живого знания без искажений по умыслу или неведению – что еще можем сделать мы, рожденные после того, КАК ЭТО БЫЛО, во имя той великой жертвы, что стала вековечным памятником ТОМУ ЧТО БЫЛО. Мы все еще не похоронили Последнего солдата Великой Отечественной, завершившего Вторую мировую. Только в минувшем году обнаружены и упокоены останки около восьми тысяч защитников Родины. Но сколько еще имен ждут возвращения из военного небытия по всей земле, чей пепел стучит в сердца живущих!.. В банке данных российского Министерства обороны содержится более 26 миллионов записей о судьбах почти 9 миллионов погибших и пропавших без вести воинах. В память о погибших в России шестой год подряд проводится поистине всенародная акция «Георгиевская ленточка». И более 55 миллионов символов Победы за пять лет было распространено по всему миру: в Великобритании, США, Мексике, Турции и Аргентине, Китае, Исландии, ЮАР, Греции, Вьетнаме. Георгиевскую ленточку передают с простыми, от сердца идущими словами: «Повяжи, если помнишь!». Мир спасенный помнит…

Аверкий АРИСТОВ

«Мы нисколько не стали слабее»

Война застала меня на посту секретаря Свердловского обкома партии по промышленности. Было мне тридцать семь лет. Несмотря на сравнительно молодые годы, я имел уже немалый жизненный опыт и партийный стаж. Позади остались рабфак, служба в армии, учеба в Ленинградском политехническом и работа в Уральском индустриальном институте, одновременно – в Уральском Доме техники, защита кандидатской диссертации. И параллельно – годы работы в выборных советских и партийных органах. Наша партийная пропаганда и агитация были направлены на быстрейший ввод незавершенных строек, особенно оборонного значения, на то, чтобы люди находились в состоянии боевой готовности.

Мы начали подготовку к обороне с той минуты, когда заложили первую угольную шахту в Кузбассе, когда ударили первым заступом по звенящей горе Магнитной, когда заложили первые камни в фундамент Уралмаша, Челябинского тракторного и сотен других заводов не только на востоке, но и в центре и на юге страны. Мы заложили эти заводы раньше, чем достигли дореволюционного (1913 г.) уровня промышленного производства. Мы строили эти заводы и шахты невиданными в истории темпами.

И, несмотря на все это, еле-еле успели пустить эти заводы незадолго до войны, перед самой войной и в начале ее. Не все построенные заводы сразу набрали силу, развернулись на полную мощность, не везде орга-

Аверкий АРИСТОВ – в годы войны второй секретарь Свердловского обкома КПСС

Материал составлен по воспоминаниям А.Б. Аристова, опубликованных в сборнике «В тылу, как на фронте», изданном в Свердловске в 1986 г.

низация управления была четкой, на нужной высоте. Об этом шла речь на XVIII Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в феврале 1941 года. Любопытно: передовая статья газеты «Правда» за день до начала войны была направлена против болтунов на руководящих постах, подменявших кропотливую организаторскую работу заседательской суетней.

Недостаткам в руководстве промышленностью был посвящен пленум обкома, проведенный за несколько дней до начала войны. Вслед за ним прошли партийные активы в Свердловске и других городах области.

Накануне войны все работали много, очень много. Ночами горел свет в заводоуправлениях, партийных комитетах. Эти ночные часы были самыми тихими, спокойными, чаще всего никто и ничто не мешало разобраться в ворохе вопросов, ждавших решения, сосредоточиться, подумать, попытаться посмотреть хотя бы немного вперед. Нет, неправильно называть ночные часы работы только ночными бдениями. Мы их, хотя и за счет здоровья, полностью использовали для дела.

В первый же день войны весь состав Уральского военного округа во главе со штабом и командующим, генералом Ф.А. Ершаковым двинулся на фронт, и в Свердловске сформировали новый штаб округа.

Мы не успевали разбираться во всех кадровых изменениях, подбирать замену ушедшим. И вот в одну из таких сверхнапряженных минут позвонил 1-й секретарь Свердловского обкома В.М. Андрианов:

– Собирайся и захвати с собой сухари, – так он всегда острил, если надо было куда-нибудь ехать. – На вокзале нас ожидает нарком танковой промышленности Малышев.

В вагоне кроме наркома находилась группа руководящих специалистов-строителей, в том числе и Г.М. Орлов, начальник Военстроя. В.А. Малышев приехал с решением правительства разместить на Нижнетагильском металлургическом заводе прокатный стан для производства танковой брони. На Кировском заводе в Ленинграде уже спешно вели его демонтаж и грузили в вагоны. Срок нам устанавливался кратчайший – показалось, я ослышался: два месяца.

Требовалось за это время построить еще одну мартеновскую печь, печи для нагрева слитков и термической обработки брони. В те же жесткие, установленные правительством сроки – два месяца.

Ответственность за ввод кировского стана и налаживание проката брони возлагалась на заместителя народного комиссара черной металлургии П.И. Коробова. Он направлялся к нам на Урал, а мне областной комитет партии поручил на месте оперативно содействовать выполнению ответственнейшего задания всеми силами и ресурсами области.

Одним словом, Павел Иванович – главный командир всего комплекса, а я его первый помощник.

Удивительно хорошо мы с ним понимали друг друга – с полуслова, с полуфразы, у нас никогда не возникало больших расхождений во мнениях. Он обладал огромной выдержкой, умением терпеливо, уважительно слушать – качествами, выработанными долгой работой на заводах. Вопросы решали быстро, оперативно – ночью, днем, – ничего не откладывали. Кабинетов себе мы не завели, находились там, где велись работы. Любой работник мог подойти, спросить, сделать замечание, дать совет, тут же получить ответ, решение. По затруднительным технологическим вопросам, особенно при строительстве мартена и освоении плавки стали, Коробов, по специальности доменщик, часто советовался по телефону с находившимся тогда в Москве народным комиссаром Иваном Федоровичем Тевосяном – не только крупнейшим организатором промышленности, но и большим знатоком сталеплавильного дела.

Трудно сказать, сколько мы спали. Бывало, всю ночь не смыкали глаз. Особенно поначалу, когда решали самые важные вопросы – где разместить стан, как быстрее подготовить для него фундамент.

Сама же организация монтажа и строительства мартена отличалась большой продуманностью. Здесь Павел Иванович и приехавшие с ним специалисты показали себя прекрасными инженерами. Проектирование и рабочие чертежи выполнялись на месте. Ускорение достигалось и за счет того, что многие работы велись параллельно. Рыли котлованы, а рядом, на бровке, вязали арматуру и готовили опалубку. Люди по нескольку дней не уходили домой, немного передохнут – и продолжают работу.

На нашей относительно небольшой стройке зародились скоростные военные методы строительства, которые через самое непродолжительное время получили широкое распространение на Урале: совмещение по времени различных процессов и жесткий график, основанный на инженерном расчете и безграничном энтузиазме строителей. Через три месяца, 2 декабря, в сильные морозы, которых, к счастью, в Тагиле нам не пришлось испытать, в Свердловске, вблизи обкома, можно сказать рядом – на территории бывшего монетного двора, – началось строительство двух промышленных корпусов для размещения важного завода. За двенадцать дней, 14 декабря, здания были полностью готовы под монтаж оборудования. По поручению ГКО наблюдение за сооружением завода осуществлял Николай Алексеевич Дыгай, тогда начальник главка, а впоследствии нарком по строительству и председатель Моссовета. А в основе успеха снова был массовый энтузиазм. Большинство рабочих не имело никаких строительных специальностей. Сооружали корпуса студенты, домохозяйки, служащие, интеллигенция. Среди лучших отмечали художника драмтеатра Н.А. Сивача...

Если назвать, что было сделано тогда за два месяца, боюсь, многие не поверят. Я и сам порой себе не верю... Хотя бы один пример: за шесть смен в фундамент стана уложили три с половиной тысячи кубометров бетона. Почти вручную. Сегодняшним бетонщикам это покажется, может быть, и не так много, но нельзя забы-

вать, что страна была тогда в двенадцать раз технически и экономически слабее, чем сейчас.

Порученное нам дело заметно подвигалось вперед. Было чему радоваться. Мы и радовались и, возможно, даже бы сильно радовались, если бы... Если бы не сводки Совинформбюро! Немцы под Смоленском... Ленинградом... Оставлен Киев... И начинало казаться, что мы недопустимо медлим, копошимся, тянем. Броня, которую мог дать наш пока еще безжизненный стан, сколько б всего прикрыла, защитила от врага!

И, оставаясь наедине с Павлом Ивановичем, порой посреди ночи, лежа на кроватях, о многом мы размышляли. Реже обсуждали военные сводки – говорить об этом было тяжело, – чаще вслух размышляли о ходе работы, о людях, которые строили броневой комплекс. В разговоре юмор не исключался. Заводили речь о личных, семейных делах. Сближение, единение наших людей в те военные дни проявлялось и в доверительной откровенности, когда малознакомые люди без всякого стеснения рассказывали друг другу и о себе, о своих родных, испытывая какую-то потребность излить чувства. Говорят, в армии на фронте было так же.

... Мы расстались после того, как в установленный срок стан вошел в строй.

<...> Сводки Совинформбюро приносили плохие известия. Армия наша отступала, гитлеровцы продвигались в глубь страны. Правда, все очевиднее становилось даже нам, не военным, что фашистская военная машина катится не по автостраде, сопротивление ей растет и растет.

Сильно подняла у всех дух Ельнинская операция, когда немцев впервые удалось остановить и даже отбросить на какое-то время назад. Тогда же из уст в уста пошли радовавшие всех и вселявшие надежду рассказы о новом, нагонявшем на врага страх оружии, которое солдаты окрестили «катюшей».

Мы в обкоме, правда в очень узком кругу, знали о нем еще задолго до Ельни. Государственный Комитет Обороны поручил нам организацию его массового производства, как, впрочем, и ряду других обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик. Им предоставлялось право выбирать головной сборочный завод, размещать на всех, которые окажутся нужными, предприятиях, независимо от подчиненности, изготовление деталей. При необходимости партийным органам разрешалось даже перебрасывать оборудование и рабочих одного завода на другой. За выполнением заданий устанавливался жесткий контроль.

Не знаю, кому принадлежит идея именно такой организации производства, но, должен сказать, что это было мудрейшее решение. Никакой промышленный наркомат в тех условиях не справился бы с этим делом. На партийные органы не давят ведомственные интересы. А популярность, которую все больше приобретали «катюши», помогала обкому размещать производство деталей на многих заводах, хотя те и были до предела загружены другими военными заказами. Старые и молодые рабочие, коммунисты, комсомольцы после основной напряженной смены сами вызывались работать по нескольку часов в день на участке, где изготовляли детали для «катюш».

«Катюши» делали не только на Урале. Но другим областям приходилось между собой кооперироваться. Мы же имели у себя все. Основная часть снаряда – корпус – везде делалась из труб Первоуральского новотрубного завода. Получилось, что Свердловская область стала как бы головной по производству «катюш».

Накануне Сталинградской битвы мы получили строжайшее предписание Ставки и ГКО отгрузить снаряды для «катюш» в район истерзанного города-героя. О готовившемся наступлении мы ничего не знали. Но и без того для Сталинграда сделали бы все. Однако Москва не полагалась только на нашу совесть. Отгрузка проверялась ежедневно. Контроль осуществлял уполномоченный ЦК партии и ГКО Алексей Сергеевич Павленко.

По инструкции «катюшины» снаряды строжайше полагалось отгружать в упаковке. Начиненные взрывчаткой, они опасны при транспортировке. И надо же случиться, что именно в те дни сборочный завод остался без тары. Ждать, когда ее сделают? Если бы Сталинград мог ждать!

Чем дольше мы с Павленко думали, как быть, тем неотвратимее возникала перспектива не выполнить приказ Ставки. И мы решились на крайний шаг – отправить снаряды навалом...

Несколько томительных дней жили в чрезвычайной тревоге, словно на пороховой бочке. Грозившее нам наказание, каким бы строгим оно ни было, не так страшило, как возможная беда в пути. К счастью, все обошлось. Снаряды пришли в целости и ко времени.

После войны А.С. Павленко был министром электростанций, затем направлен на руководящую работу в Госплан СССР. Как-то мы встретились. Конечно, вспомнили отгрузку снарядов для «катюш». Покачали головами, не сказал бы, что весело. Все-таки риск был чрезмерный, если не сказать крепче. Правда, иного вы-

хода у нас не было. И мы решили при удобном случае повиниться публично. Что я и делаю с его согласия...

<...> В начале октября 1941 года положение на фронте ухудшилось. В сводках Совинформбюро появились названия населенных пунктов на ближних подступах к Москве. «Неужели?!» – никто не высказывал этого вслух, но не думать об этом не мог. «Нет, нет!» – гнал я от себя страшную мысль.

Я видел работающие на полную мощность заводы, исполненных решимости рабочих, инженеров. Знал, что идет формирование и подготовка новых дивизий, для них швейные и меховые фабрики шили теплое обмундирование, сапоговаляльные фабрики катали валенки. Силы наши неисчислимы!... Все секретари обкома отправились на предприятия в те дни рассказать людям, как серьезно положение под Москвой. Не дать закрасться в их души сомнению и неверию. Призвать к еще большему напряжению сил. Мне выпало выступить на Верх-Исетском заводе.

В каждом пролетарском центре есть свои цитадели, свои вожаки, запевалы. Таковы обуховцы и путиловцы в Ленинграде, трехгорцы – на Пресне, арсенальцы – в Киеве, сормовичи – в Горьком, мотовилихинцы – в Перми. Таковы и визовцы в Свердловске.

– Знает ли коллектив о положении под Москвой? – спросил я парторга ЦК на заводе Бориса Степановича Бучеля.

– Знает, – твердо и строго ответил он.

– Как настроение?

– Боевое. Если надо, остановим завод и все до единого – на фронт. – Глубоко партийный человек, Б.С. Бучель всегда был в гуще коллектива и хорошо знал, чем он дышит.

Пошли по цехам. Все работали очень напряженно и, я бы сказал, самозабвенно. Бучель рассказал, что многие предлагают 7 ноября не праздновать, а объявить его днем героического труда и заработок отдать в Фонд обороны.

– Обком одобрит, – заверил я.

Митинг состоялся на заводском дворе. Цехи приходили организованно, колоннами, со знаменами, и уже в этом проявился боевой дух рабочей гвардии. В первых шеренгах шли пожилые. Много было безусой молодежи из недавних ремесленников. Особенно бросалось в глаза необычное для металлургического завода множество женщин. Я знал: металлургов-мужчин, ушедших на фронт, заменили на рабочих местах их дочери, жены, сестры. Несколько девчат встали даже к прокатным клетям, мало или совсем не механизированным.

Выступать перед этими людьми – все равно, что беседовать с близкими друзьями. Им надо говорить правду, всю, какая ни есть, ничего не приукрашивая. И я говорил все, что чувствовал.

Единодушно и единогласно приняли резолюцию: «Дни годовщины Великой Октябрьской социалистической революции мы просим Советское правительство объявить днями героического труда, чтобы, стоя у мартенов, у домен, у прокатных станов, токарных станков, рабочие еще больше крепили мощь нашей Родины, еще больше дали фронту танков, самолетов, орудий, снарядов, боеприпасов. Близок час, когда враг ответит за все свои злодеяния. Кровь за кровь! Смерть за смерть! Победа будет за нами!»

<...> Приближался новый, 1942 год. Первое военное Новогодье...

Непередаваемую радость вызвал разгром фашистских войск под Москвой.

В общую народную радость вливалась и радость каждого трудового коллектива. Ведь все так или иначе участвовали в первом сокрушительном ударе по врагу. Громогласно поделиться этим, однако, по соображениям военной секретности было нельзя.. Не могли мы широко всех оповестить о распиравшей нас радости, что восьмого декабря 1941 года пущенный в Нижнем Тагиле танковый завод отправил на фронт первый транспорт – двадцать пять боевых машин Т-34, одетых в уральскую броню!..

Тогда и родилась у нас на Урале мысль поздравить с Новым годом всю страну, дорогих бойцов на фронте, поделиться своими первыми успехами. Пусть и враг знает: тыл с фронтом едины, он вскоре почувствует это по всевозрастающей силе ударов нашей армии.

Поздравлению решено было придать форму письма-рапорта, который, как тогда было принято, адресовался И.В. Сталину, но предназначался всем воинам, всем труженикам страны.

Такие письма обычно принимались в конце собраний, как писали в газетах, «под бурные, долго не смолкающие аплодисменты присутствующих». Мы решили отступить от этого ритуала. Пусть, кто хочет присоединиться к коллективному поздравлению, поставит свою подпись под общим текстом. Один миллион семнадцать тысяч двести тридцать семь человек расписались, своей рукой скрепив звучавшую в рапорте клятву «работать не покладая рук и не теряя ни минуты, делом ускорять разгром подлейшего врага». Ставя подпись, многие эту общую клятву дополняли личными обяза-

тельствами. Принятие письма-рапорта с новой силой разожгло социалистическое соревнование.

В обстановке, когда предприятия испытывали постоянные нехватки сырья, топлива, энергии, материалов, рабочих рук, многое решали находчивость, изобретательность, инициатива и просто умение трудиться, что называется, сверх сил. Все это порождало социалистическое соревнование, готовность ничего не пожалеть для Родины, для победы.

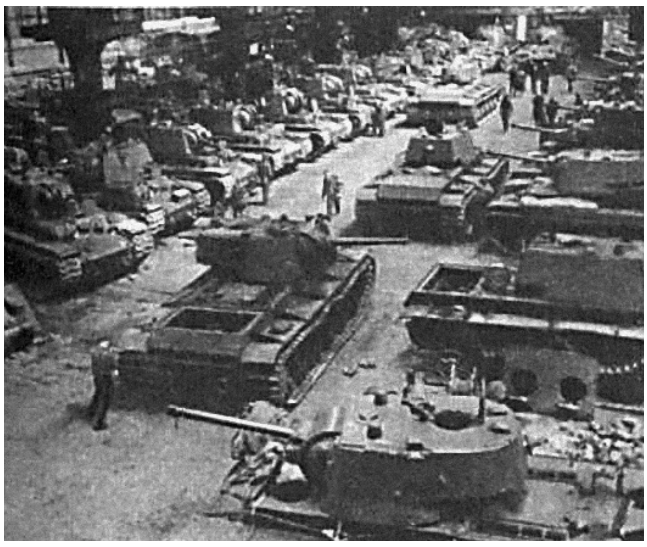
Руководство социалистическим соревнованием было важнейшей частью партийной работы. В военные годы она приобрела много нового. Значительно расширился институт предусмотренных Уставом партии на особо важных объектах парторгов ЦК ВКП (б), своеобразных комиссаров промышленности. Работникам обкома приходилось бывать и снабженцами, и «толкачами», и кооперировать между собой предприятия, отыскивать еще недозагруженное оборудование. Поначалу это диктовалось жесткими обстоятельствами – обстановкой на фронте, перебазированием наркоматов. Подчас директивы ГКО имели такую срочность, что нельзя было и минуты медлить с доведением их до исполнителей, наркомат порой о них узнавал в одно время с предприятием, а то и позже. Нарушились нормальные межхозяйственные связи, и приходилось рассчитывать на местные ресурсы и возможности, а они обкому виднее. Потом это вошло в систему, стало чем-то вроде военного стиля. Хозяйственные руководители и сами, чуть что, шли в обком, и мы занимались их нуждами. А как иначе? Возможностей у партийного органа все-таки больше, чем у руководителей отдельных предприятий. Приняв на себя оперативное руководство промышленностью, обкомы и областные Советы сорвали расчеты Гитлера развалить нашу государственную машину. Она безотказно действовала и в самые критические часы.

<...>Уральский добровольческий танковый корпус, его создание, формирование и оснащение – одна из прекрасных страниц Отечественной войны.

Вдруг, если так можно сказать (конечно же, не вдруг), в трех уральских областях – Свердловской, Челябинской, Пермской, – в больших городах, рабочих поселках, селениях, деревушках все, от мала до велика, оказались захваченными идеей сформировать, вооружить, одеть, обуть сверх плана и на свои средства танковый корпус.

24 февраля 1943 года за подписями первого секретаря Свердловского обкома партии В.М. Андрианова, первого секретаря Челябинского обкома партии Н.С. Патоличева и первого секретаря Пермского обкома партии Н.И. Гусарова было направлено в ЦК партии и Государственный Комитет Обороны письмо, в котором говорилось:

«Питая священную ненависть к немецко-фашистским извергам, трудящиеся индустриального Урала горят желанием внести еще один свой достойный вклад в дело быстрейшего разгрома врага... Добровольческий

танковый корпус уральцев мы обязуемся полностью вооружить лучшей военной техникой: танками, самолетами, орудиями, минометами, боеприпасами, произведенными сверх производственной программы».

25 февраля пришла директива, разрешающая создание добровольческого соединения. Все три обкома образовали комиссии по формированию корпуса. Председателем комиссии Свердловского обкома бюро утвердили меня. Вскоре в Свердловск прибыл назначенный командиром корпуса генерал Г.С. Родин. Штаб его разместился в Свердловске, и нашей комиссии пришлось помимо вопросов, относившихся к формированию свердловских частей, заниматься и общими вопросами.

Партийные комитеты на местах буквально захлестнул поток заявлений. По ежедневным донесениям мы видели, что желающих много больше, чем нужно для укомплектования частей. В трех областях записалось сто одиннадцать тысяч добровольцев. Столько людей и нельзя было отпускать с заводов. Урал воевал с Гитлером своей боевой техникой, нигде больше в стране столько дать ее фронту не могли. Вот почему обком напомнил партийным комитетам: отбор вести так, чтобы не оголились производственные участки и заводы не остались без квалифицированных кадров, с таким трудом собранных и подготовленных в первые годы войны.

Тем, кому разрешали вступить в корпус, в партийных комитетах говорили, что стремление их благородно, но голыми руками Гитлера не сокрушить и еще много-много потребуется «бронированной стальной конницы», пушек, снарядов. И самая ближайшая задача – оснастить корпус. Мы ведь дали слово ничем не обременить государство, не взять ни пуговицы для гимнастерки, ни танка из планового выпуска продукции и заплатить за все из средств, добровольно собранных трудящимися Урала.

Когда объявили сбор средств, как говорится – господи, и откуда только! – буквально посыпались деньги! Помню, на счет нашей комиссии в очень короткое время поступило пятьдесят восемь миллионов рублей

на танки, самоходки, мотоциклы, оружие, обмундирование и амуницию для Свердловской бригады, на оснащение штаба и всех служб корпуса.

Это были деньги, которые от себя оторвали полуголодные люди.

Областная партийная организация выдвинула лозунг: «Ни одного рабочего и служащего без своего индивидуального огорода!» Для посадки бесплатно выдавались собранные срезки. Весной 1942 года картофель сажали всюду, где только была незанятая земля, – в скверах и садах, на клочках уличной земли перед домом. Год удался хороший, и осенью собрали небывалый урожай. Картофель спас многие тысячи людей от голода.

На Уралмаше и на некоторых других заводах по совету врачей заваривали в бочках хвою и ставили в цехах – поили витаминной водой, варили борщи из крапивы...

... Рассказываю все это для того, чтобы показать, что деньги на оплату танков и всего имущества добровольческого танкового корпуса шли не от обеспеченных людей. Миллионы рублей – самые-самые трудовые деньги. Люди недоедали, голодали, но отдавали последние гроши, потому что хотели защитить Родину, быстрее покончить с войной.

В период формирования корпуса комнаты обкома партии были завалены образцами всего, что было заказано и изготовлялось для корпуса, разумеется, кроме танков и самоходок... Оружие, шинели, гимнастерки, кители для командного состава, белье, сапоги, ремни, каски – все шилось, делалось на Урале. Корпус формировался, оснащался, проходил боевую подготовку в рекордно короткие сроки. Я сказал бы даже – в невиданно короткие. Потому что люди в нем были отборные, грамотные, технически подготовленные, хорошо понимавшие, на что они пошли и зачем. Почти все они были коммунистами и комсомольцами.

И настал день отправки на фронт. Она вылилась во всенародную патриотическую манифестацию.

Стоял ясный июньский день. Истекал второй год войны. Перрон Свердловского вокзала переполнен ликующими людьми – провожали добровольцев. Сердце радовалось. Мы нисколько не стали слабее!

Подготовила **Наталья ФЁДОРОВА**

Людмила ТЕРНОВАЯ

Праздник со слезами на глазах

Шестьдесят пять лет отделяют нас от Великой Победы. Несмотря на то, что выросло не одно поколение, изменилась страна, изменился и весь мир, боль потерь не стала меньше, потому что Великая Отечественная война коснулась каждой семьи, каждого уголка нашей огромной страны, даже если он был расположен вдали от полей сражений. Глубоки раны войны. Но высока и радость Победы. И в преддверии праздника Победы важно понять, почему не все и не везде разделяют такие чувства, а для этого надо представлять, в чем заключается отличие праздников Победы от других праздничных дней.

Людмила ТЕРНОВАЯ – доктор исторических наук, профессор РАГС

Это особое, а порой даже пронзительное, ощущение значимости установления связи времен свойственно всем без исключения праздникам: и календарным народным, и государственным, и личным. При этом праздники Победы выделяются на фоне всех других, объединяя народ в осознании общей радости, общей утраты, общей скорби по погибшим.

В истории человечества было множество разных войн*, однако в национальных календарях не так часто встречаются праздники Победы, позволяющие отдать дань судьбоносным для их истории событиям, и большинство таких праздников основано на фактах относительно недавнего времени. Пожалуй, лишь Мальта выделяется победой, относящейся к XVI в. 8 сентября 1565 г. рыцарями ордена Святого Иоанна Крестителя с острова была снята осада турецких войск. На Мальте этот день можно считать двойным праздником, поскольку 8 сентября 1943 г. командующий войсками союзников в Средиземноморье, генерал Д. Эйзенхауэр официально объявил, что итальянское правительство заключило мир и вышло из Тройственного союза, что было важно для Мальты как британской колонии.

Другие государственные праздники Победы были установлены в честь событий XX столетия. Самым ранним из них стала битва 23 июня 1919 г. под городом-крепостью Цесисом. В ней эстонско-латвийские войска разгромили вооруженные силы Германии, что способствовало освобождению Латвии. 30 августа 1922 г. закончилось последнее сражение в греко-турецкой войне (1919-1922), однако празднование этого события омрачается памятью о «великом пожаре в Смирне», за который до сих пор Турция и Греция возлагают ответственность друг на друга.

Как день Победы в корейской войне, которую в КНДР называют отечественной освободительной, был избран день подписания соглашения о перемирии 27 июля 1953 г., хотя к этому времени войска

* По подсчетам ученых, за последние пятьдесят шесть веков произошло около 14 500 войн, в которых погибло более 3,5 млрд человек. www.krugosvet.ru/enc/istoriya/VONA.html